

сделал разбушевавшуюся народную стихию. Воссоздавая образ Разина, Ч. опирается в значительной степени на народную традицию. В песнях и преданиях Разин подан легендарным героем, его личность романтизирована, он обладает огромной физической силой, одет Разин в красивые дорогие одежды. Не случайно в романе Ч. много места отведено персидским походам Разина, ибо они давали яркий экзотический материал. Общая романтическая трактовка истории и ее героя подкреплена у Ч. большим вниманием к воспроизведению колорита эпохи. Ч. решал сложную задачу создания исторического романа в новых условиях советской действительности. Горький высоко оценил «Разина Степана», отметил: «„Разин“ — колоссальное создание истинного художника — под таким титулом эта книга будет внесена в историю русской литературы» (ЛН. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 648). Почти через четверть века после «Разина Степана» был написан роман С. Злобина «Степан Разин». В романе и в лит.-критических статьях Злобин ведет полемику с той трактовкой образа Разина, которая дана в романе Ч. Злобин отказывает Ч. в серьезном исследовании источников, в марксистском подходе к отбору и осмыслению фактов, считает, что Ч. — «это еще не исторический советский писатель в теперешнем нашем понимании...» (Злобин С. Продолжение личной беседы // Технология неправды. М., 1968).

В 1932 Ч. начинает работу над историческим романом «**Гулящие люди**» (1932–37). По словам писателя, он хотел в новом романе глубже и шире показать, нежели это было в «Разине Степане», вторую половину XVII в., «когда повсюду на Руси шло брожение», дать «настроение эпохи» и показать типы неизвестных стихийных революционеров» (Лит. Ленинград. 1934. № 32). Гулящие люди — как разъясняет писатель — юридический термин XVII в., обозначающий деклассированный элемент. По замыслу Ч., действие должно быть доведено до стрельечских бунтов и царевны Софьи и сомкнуться с началом «Петра Первого» А. Н. Толстого. Ч. не смог полностью осуществить свой замысел. В широком полотно Ч. нашли отражение народные движения второй половины XVII в. (медный и чумный бунты, раскол). Ч. показал себя знатоком быта и языка XVII в.

Ч. работал над автобиографической трилогией; были опубликованы 1-я и 2-я части: «Жизнь моя» (1929) и «По тропам и дорогам» (1931), 3-я часть — «**Осколок того же**

зеркала» — известна в отрывках. Ч. написал сценарии фильмов «**Златые горы**» (1931) и «**Степан Разин**» (1939).

Соч.: СС: в 5 т. / сост., подгот. текста и прим. Н. Емельянова; вступ. статья Н. Тотубалина. Л., 1967–69; СС: в 3 т. / сост. Ю. Сенгуров. М., 1996; Белый скит: рассказы и повести. М., 1986; Гулящие люди. М., 1994, 2000; Дневниковые записи / публ. и комм. Н. С. Цветовой. Ежегодник РО Пушкинского Дома. СПб., 1993.

Лит.: Артюхов П. Л. А. П. Чапыгин: Критико-биографический очерк. Архангельск, 1955; Вальбе Б. С. Алексей Павлович Чапыгин: Очерк жизни и творчества. 2-е изд., перераб. Л., 1959; Семенов В. С. Алексей Чапыгин. М., 1974; Семенов В. С. Родники бьют из глубин: Лит.-критические статьи. М., 1977. С. 73–220; Сваровская А. С. Проблема эпического героя в повести А. Чапыгина «Белый скит» // Худож. творчество и лит. процесс. Томск, 1988; Гончарова А. Л. Особенности творческой индивидуальности А. П. Чапыгина в мемуарно-автобиографической трилогии // Творческая индивидуальность писателя и лит. процесс: сб. трудов. Вологда, 1987; Волович Н. Г. Концепция народного характера в романе А. Чапыгина «Разин Степан» // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и лит-ре XX века. Грозный, 1991; Нестеров М. Н. Язык русского советского исторического романа. Киев, 1978; Давыдова Т. Т. Русская неореалистическая проза (1900–1920 гг.). М., 1996.

А. И. Филатова

ЧАРСКАЯ Лидия Алексеевна (урожденная Воронова, в замужестве Чурилова) [1875 (точная дата неизвестна), Царское Село — 18.3.1937, Ленинград; похоронена на Смоленском кладбище] — прозаик, поэтесса.

Л. А. Чарская

Родилась в семье военного инженера, полковника. Мать умерла при родах — отсюда мотив сиротства, повторяющийся из книги в книгу. С 1886 по 1893 находится в Павловском женском ин-те Петербурга. После окончания ин-та выходит замуж за офицера Б. Чурилова, но совместная жизнь продолжается недолго. Оставшись с ребенком, Ч. решает начать самостоятельную жизнь и поступает учиться на театральные курсы. В 1898 ее принимают на единственное вакантное женское место в Санкт-Петербургский Императорский театр (ныне Александринский), где она работает до 1924 под псевдонимом Л. Чарская, этим псевдонимом она подписывает и свои книги. Театральная жизнь складывается не блестяще: Ч. играла характерные роли субреток или старух, а мечтала о Катерине в «Грозе» или Луизе Миллер в трагедии «Коварство и любовь».

Ч. была страстно увлечена сочинительством. Первая повесть Ч. — **«Записки институтки»** — была напечатана в ж. «Задушевное слово» (1901; отд. изд.: М., 1902), и с этого времени ж. печатал повести Ч. ежегодно, принося автору небывалую славу. Ч. стала кумиром юных читателей. Была учреждена стипендия ее имени. Ч. стала буквально властительницей дум нескольких поколений русских детей. Особенным успехом пользовалась **«Княжна Джаваха»**. Тысячи поклонниц этой книги приходили к Новодевичьему монастырю, чтобы поклониться могиле Нины, уверенные, что это не вымышленная героиня. «Памяти Нины Джаваха» посвятила стих. Марина Цветаева в первой своей книжке «Вечерний альбом».

В самый разгар славы писательницы появилась статья К. Чуковского «Лидия Чарская» (1912), написанная в самом уничижительном тоне. Автор статьи увидел в книгах Ч. лишь «фабрику ужасов» (механически изготавливаются по одним и тем же моделям «все те же ужасы, те же истерики, те же катастрофы и обмороки») и на каждой странице «истертые слова, истертые образы, застарелые привычные эффекты». Действительно, в книгах Ч. можно было заметить следы торопливости, повторы, сходные сюжетные схемы, языковую безвкусицу. Но это никак не составляло главную суть произведений Ч. Статья К. Чуковского, однако, сыграла впоследствии роковую роль в судьбе писательницы.

В 1920 вышла в свет «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей лит-ры из общественных библиотек». Согласно этой инструкции предлагалось изъять из обращения

книги, восхваляющие монархию, церковь, внушающие религиозные представления, не удовлетворяющие идейным и педагогическим требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список предлагаемых к изъятию книг по объему сам составил целую книгу. Сюда были включены и произведения Ч. При переиздании «Инструкции» мн. имена возвращались к читателю, но имя Ч. навсегда подлежало изъятию. Особенно строгие наблюдения велись над пионерами, в классах устраивались церемонии «суда» над Ч. За автором «Записок институтки» все больше закреплялись определения «бульварная, мещанская, пошло-сентиментальная». По мнению В. Шкловского, книги Ч. были «пищей карликов», которая, в отличие от настоящей литературы — «пищи богов», тормозила развитие юного человека (Шкловский В. О пище богов и о Чарской // Лит. газ. 1932. 5 апр.). Однако «подпольное» положение Ч. было прочным. Уже в 1930-е Маршак заметил: «„Убить“ Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так легко. Ведь она до сих пор продолжает жить в детской среде, хотя и на подпольном положении» (Маршак С. Я. О большой лит-ре для маленьких // Маршак С. Я. СС: в 8 т. М. 1971. Т. 6. С. 198). Время делало свое, и после Великой Отечественной войны уже мало кто помнил имя Ч.

Ч. писала не только для детей. Но «взрослые» ее книги — **«Ее величество любовь»**, **«Профанация стыда»**, думается, были случайными. Творчество Ч., безусловно, было обращено к детской и юношеской аудитории. Ч. написала несколько исторических книг: **«Смелая жизнь»** (1905), посвященная Надежде Дуровой, и **«Газават»** (1906). Излюбленными были для нее два сюжета. Один из них связан с популярнейшей темой в мировой лит-ре — о брошенных, потерянных, похищенных детях, об их порой удивительной судьбе. В силу роковых обстоятельств героини книг Ч. **«Сибирочка»** (1908), **«Лесовичка»**, **«Щелчок»** (обе — 1912) и др. оказались оторванными от родного дома, от родителей. Герои попадают в глухой лес, в воровской притон, за монастырские стены, в цыганский табор, на арену цирка и т. п. Они познают жестокость, побои, нищету. Однако маленький человек видел мир не только в темных красках, он искал доброты, сердечности, отзывчивости. И читатель верил: с попавшим в беду человеком рядом вдруг появится смелый, великодушный мальчик или хрупкая нежная девочка — и они возьмут на себя несправедливое обвинение, поделятся куском хлеба. Героев Ч. ни при ка-

ких обстоятельствах нельзя заставить совершить дурной поступок, они бескорыстны и справедливы, терпеливы и добры. В конечном счете побеждают они, их душевная красота и обаяние. Ч. постоянно упрекали за счастливые финалы, вернее, за последнюю счастливую страницу в ее книгах, но радостные финалы, безусловно, были заслуженны в глазах юного читателя.

Другая, может быть, самая излюбленная тема Ч. была связана с жизнью девушек в Павловском ин-те: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «**Люда Влассовская**» (1904), «**Белые пелеринки**» (1906), «**Юность Лиды Воронской**» (1912), а также автобиографические книги, в которых снова автор возвращается к институтской жизни: «**За что?**» (1909), «**Большой Джон**» (1910), «**На всю жизнь**», «**Цель достигнута**» (обе — 1911). В отличие от приключенческих повестей эти книги показывают жизнь, ограниченную одной площадкой, достаточно глухими стенами — закрытого женского учебного заведения. К. Чуковскому атмосфера этих повестей показалась «душной», а поведение девушек слишком экзальтированным. Но из каких книг читатель знал что-нибудь по-настоящему серьезное об этой наглухо закрытой жизни юных затворниц? Так полно об этой жизни Ч. сказала первая, и читателю открылось то, чего он совсем не предполагал. Грубая одежда, скудная пища, строгий распорядок дня, дортуар, в котором размещалось 40 детей, и девочка, попавшая сюда из дома, далеко не сразу могла принять обычаи и традиции, навсегда установившиеся здесь. 7 лет пребывания за высокими стенами, когда связь с внешним миром для большинства вообще была потеряна, — немалое испытание. Вот почему маленький случай превращался здесь в большое событие, а одна душа так страстно искала возможность прилепиться к другой. Ч. затронула мн. из тех конфликтов, которые были характерны для т. н. гимназических повестей. Но показала их мягче, здесь эти конфликты решались с большей готовностью к прощению, к покаянию. Сегодня, перечитывая повести Ч., мы замечаем, что она и тогда сумела угадать многое, что волнует подростков сегодня. Достаточно назвать ее повесть «**Некрасивая**», где героиня одна идет против всего класса, чтобы мы вспомнили, например, повесть В. Железникова «Чучело» и др. Книги Ч. населяют много характеров сильных, справедливых, отчаянных.

Ч. обвиняли в излишней экзальтированности: в ее книгах взрослые и дети не только горячо любят друг друга, но и говорят об этом

пылкими словами, не стесняясь своих чувств. Они плачут и рыдают, бросаются на колени, целуют руки, дают жаркие клятвы, горячо каются, они ни в чем не скупятся. Именно эти особенности героев Ч. вызвали наибольшее осуждение; все эти качества казались чуждыми, вредными и даже преступными для нового пролетарского читателя.

В 1950–60-е начали раздаваться совсем другие голоса и другие оценки книг Ч.: с теплотой вспоминает ее В. Панова, воздает ей должное Б. Васильев, который не только не разделяет общепринятого насмешливо-пренебрежительного отношения к ней, но говорит о Ч. как о писательнице, имя которой «некогда знали дети всей читающей России». Он благодарит ее за незабываемые эмоциональные уроки любви к родной истории. С особым чувством пишет о Ч. Л. Пантелеев: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне...» Однако самая большая и самая значительная статья о Ч. обнаружилась только недавно, при разборе большого архива Ф. К. Сологуба. Эту статью он написал в 1926, незадолго до смерти. Посланная в «Звезду», она была отвергнута редактором ж. Л. Сейфуллиной и вернулась в архив писателя. С копией этой статьи была ознакомлена Ч. Впервые за всю жизнь Ч. такой мастер внимательно проанализировал все стороны ее творчества. Poleмика с теми, кто третирует Ч., приводит Ф. Сологуба, может быть, где-то даже и к завышенным оценкам произведений писательницы: «На всем протяжении русской детской литературы (а быть может, и всемирной) не было писателя, столь популярного среди подростков, как Л. Чарская. Популярность Крылова в России и Андерсена в Дании не достигала такой напряженности и пылкости». Автор называет творчество Ч. «одним из лучших явлений русской литературы». Высшую этическую ценность произведений Ч. Сологуб увидел в том уважении, с каким писательница относится к детям. «Чарская имела большую дерзость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых... Еще большую дерзость — хотя, конечно, после Льва Толстого, и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми». И если дети все это восприняли по наивности своей не как дерзости, а как высокую худож. и житейскую правду, то «этих двух дерзостей педагога и родители не могли и не могут простить Чарской». В творчестве Ч. он ощутил глубокое понимание интересов подростков, которые хотя

«великих дел, подвигов, опасностей, катастроф во имя высшей справедливости» (РО ИРЛИ. Ф. 289). Глубоко тронутая статьей Ф. Сологуба, Ч. была уверена, что эта чудесная оценка вызвана частично жалостью к ней, «заживо замурованной и растерявшей за годы нужды и болезни все свои скромные ценности» (из письма Ч. к Ф. Сологубу // РО ИРЛИ. Ф. 289). Отвечая Ч., Ф. Сологуб еще раз в письме к ней ответил, что все сказанное в статье является «вполне искренним и правдивым». Ч. умерла в нищете и голоде, хотя рядом с ней, готовые ей помочь, постоянно находились семья О. И. Капицы, семья М. М. Зощенко, Е. Данько, В. Калицкая и дети, которые приходили навестить свою писательницу, несмотря на строгий запрет.

Соч.: Княжна Джаваха. СПб., 1903; Переизд.: 1990; Для чего я пишу // Задушевное слово. 1911. № 48. С. 757; Смелая жизнь / предисл. В. Приходько. М., 1991; Повести / предисл., сост., прим. Е. Путиловой. Л., 1991.

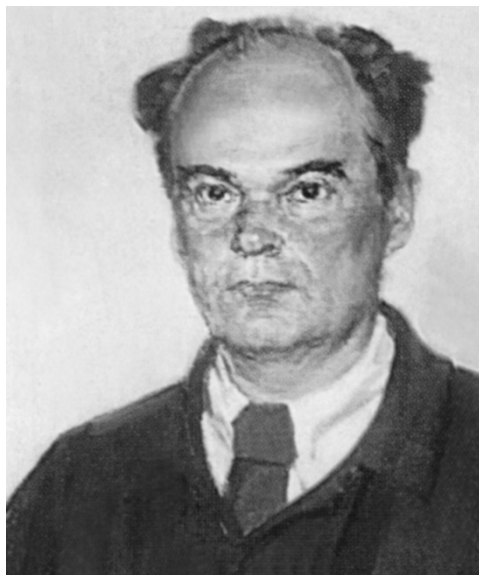
Лит.: Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3; Чуковский К. Л. Чарская // Чуковский К. СС. М., 1969. Т. 6. С. 155–157; Панова В. Заметки литератора. Л., 1972. С. 149–159; Пантелеев Л. Как я стал детским писателем // Пантелеев Л. СС: в 4 т. Л., 1984. Т. 3. С. 316; Васильев Б. Летят мои кони // Васильев Б. Повести и рассказы. М., 1988. Т. 2. С. 39, 40; Путилова Е. О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О лит-ре для детей. Л., 1989. С. 73–89; Путилова Е. Три жизни Лидии Чарской // Русские писательницы и лит. процесс в конце XVIII — первой трети XX века: сб. науч. статей. Verlag F. K. Gopfert — Wilgelmschorst, 1995.

Е. О. Путилова

ЧАРУШИН Евгений Иванович [29.10(11.11). 1901, Вятка — 18.2.1965, Ленинград] — детский прозаик, художник.

Родился в семье архитектора-художника. «Когда мне было лет пятнадцать,— вспоминал Ч.,— мои приятели организовали „Сопухуд“ (Союз поэтов и художников); ...Я писал стихи, очень слабые, с величайшим трудом, все о тех же животных и о лесе, но эта работа над словом впоследствии пригодилась мне» (цит. по: Розанов И.— С. 47). С 1922 по 1926 Ч. обучался на живописном ф-те Ленинградской Академии художеств. В 1924 Ч. написал рассказы «**У Ивана Ивановича**» (опубликован в 1927), «**Первый тетерев**» (опубликован в 1930), «**Облава**» (опубликован в 1931). Первые публикации Ч. состоялись в ж. «Чиж» и «Еж».

После окончания Академии художеств Ч. работал в Ленинградском и Московском от-

Е. И. Чарушин

делениях Детиздата. Иллюстрировал книги В. Бианки, М. Пришвина, С. Маршака, Д. Мамина-Сибиряка, И. Соколова-Микитова и др. Уже в этих работах обозначилась характерная «чарушинская» манера в изображении зверей — полностью реалистическая и в то же время удивительно неожиданная; каждое животное притягивает к себе трогательной милотливостью, доверчивостью, незащищенностью. Эта же манера будет определять и лит. почерк Ч.

Первый сб. рассказов Ч. «**Волчишко и другие**» увидел свет в 1931. Рассказы подкупали динамичным сюжетом, забавными ситуациями, живыми интонациями речи. Особенности мастерства Ч. определяются его близостью к отечественной анималистической традиции. Однако Ч. не стремится подчеркивать универсальность природного мира, как В. Бианки; с другой стороны, его лиризм, индивидуализированность образов не приводят автора и к полному слиянию с природой, как у М. Пришвина. Ч. был мастером портрета — живописного и литературного. Его герои — наивные, озорные, неуклюжие зверята. Медвежата у Ч. «мохнатые, пузатые, большеголовые, косолапые» («**Медвежонок**»); «оленьята не больше кошки ростом... Ножки тонкие, вроде карандашей...» («**Олешки**»). В каждом рассказе выражено восхищение автора перед детской непосредственностью животных, входящих в мир. Как писал Ч. в статье «**Моя работа**» (1939), он «любил изображать молодых животных, тро-